

Недавно кто-то из моих друзей рассказал мне про сайт podvignaroda.ru, где можно найти подробную информацию практически о каждом награжденном участнике Великой отечественной войны, вплоть до фотокопии наградного листа. Я заинтересовался, попробовал найти информацию о своем отце и нашел! Боюсь, что молодым россиянам это не покажется удивительным, но людям, выросшим в советское время, даже трудно себе представить, что архивы Министерства обороны будут выложены на всеобщее обозрение. На сайте есть просьба выкладывать баннер этого сайта везде, где только можно, чтобы его популяризировать. Я с удовольствием выполнил эту просьбу.

После смерти отца в 1990 году я, как старший наследник, бережно храню его боевые ордена и медали. На сайте я нашел наградные дела на два ордена, но у моего отца их – три. Про первый из них есть только упоминание в деле 1945 года:

«Инженер-капитан ТЕРЕХОВ за отличную работу **в первые дни** (прим. выделено мною) Отечественной войны на ЛФ и ВФ в августе 1943 г. награжден орденом «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

Видимо, в первые месяцы войны бюрократия работала не так четко, как в последующие годы. Здесь я повторю рассказ однополчан отца, как был получен этот первый орден.

Мой отец, Терехов Николай Васильевич, 1914-го года рождения (г. Петроград), вырос в бедности. Его отец Терехов Василий Антонович был мастером Путиловского завода, умер от тифа в 1918 году. Мать, Агафья Андреевна, воспитывала отца и его сестру (1917-го года рождения) одна, работала на Красном Треугольнике, жили они в доме на углу Обводного канала и улицы Шкапина (сейчас этот дом снесен) до середины 60-ых годов. Я там бывал и всегда ужасался – 28 комнат в одном коридоре.

В 1939 году мой отец с отличием закончил Институт связи им. Бонч-Бруевича и был призван в армию. Я помню, его очень задевало, что армейское звание звучало «техник-лейтенант», а ведь он был уже инженером. Приставка «инженер» применялась, начиная с капитана. Инженеров тогда было мало, они очень ценились, не то, что сейчас. От звонка до звонка мой отец провоевал финскую войну, в принципе, мог уволиться из армии (призыв был специально под эту войну, отец говорил, что вообще воевал только Ленинградский военный округ, а не весь СССР), но жить было негде, работы не было. Поэтому он остался в армии. Служил начальником связи в бомбардировочной дивизии под Старой Руссой. 22 июня по тревоге ушел из квартиры, которую он снимал, все его личные вещи так и пропали, поскольку туда он уже никогда не вернулся. У него в кителе был зашит диплом Института (диплом никогда не восстанавливается, может быть копия, но второго диплома не дадут) и тоненькая книга с формулами расчета антенн. Не знаю, как сейчас, но в те годы расчет антенн основывался полностью на эмпирических формулах без особой теории, поэтому эта книга была абсолютно необходима в его работе.

Мой отец прошел всю Великую отечественную войну, получил три ордена, много медалей, войну закончил в Вене. Он очень не любил рассказывать о войне. Говорил, что война – это грязь, кровь и тяжелая будничная работа. Только изредка мне удавалось разговорить его на какую-нибудь военную тему. Одним из таких редких примеров был рассказ о Вене. По его словам, Вену брали только с помощью пехоты и маленьких пушек. Говорят, был приказ Сталина, в котором говорилось, что мы – не варвары, поэтому мы не можем разрушить многочисленные венские дворцы. Я думаю, что мой отец и не видал этого приказа, но в армии говорили, что Вену бомбить и обстреливать из тяжелых пушек нельзя. В результате, при взятии Венy мы потеряли 35 000 человек, а ведь это уже был май 45-го года. Разумеется, я не ручаюсь за точность этих цифр – я не

историк, а просто рассказываю всё со слов отца. Так вот, когда Вену взяли, мой отец долго гулял по ней, он знал немецкий язык, поэтому мог общаться с горожанами. На него неизгладимое впечатление произвел дворец, в котором целые залы были только из золота и зеркал. Не буду скрывать, что он несколько раз говорил, что 35 000 жизней – слишком тяжелая плата за сохраненные зеркальные залы.

В начале 2000-ых годов мы с женой провели две недели в Вене по приглашению нашего одноклассника – венгра Сёке Петера. Мне было интересно разыскать тот самый дворец. Кажется, это Бельведер. Там действительно два здания на холме и в низине, причем в нижнем дворце действительно есть огромные залы, все стены которых покрыты зеркалами в золоте. Чтобы уточнить, какие-то вопросы, я стал спрашивать экскурсовода, сказав, что мой отец освобождал Вену. В ответ услышал: «Так Ваш отец был оккупантом?». Черт их разберет, этих австрияков. С одной стороны, они говорят, что были первой жертвой Гитлера (аншлюс 1937 года), а, с другой, – в музеях Вены я видел фотографии, где толпа в полмиллиона человек восторженно кричит «Хайль Гитлер», приветствуя приезд фюрера. Мой отец не был оккупантом.

После окончания Великой Отечественной Войны прямо из Вены дивизию отца переправили на Дальний Восток (он рассказывал, что сделали огромный крюк через Румынию, так как по Западной Украине ехать было просто опасно). Мой отец принял участие и в третьей своей войне, потом два года служил в Харбине, но это уже совсем другая история.

Когда я был в седьмом классе (в 1963 году), перед празднованием Дня Победы наша классная руководительница Нелли Дмитриевна Сога попросила всех учеников, чьи отцы воевали, записать их короткие воспоминания для классной стенгазеты. Естественно, я тоже попросил своего отца. Он долго отнекивался, говорил, что он не писатель и вспоминать особенно нечего. Но после моего нажима написал от руки страницу тушью (не чернилами!), где говорил, что предыдущая война была войной моторов, а будущая война будет войной электроники и умных машин, поэтому, чтобы защищать Родину, нам надо хорошо учиться. Невозможно сказать, как я обиделся. Другие отцы стреляли, ходили в разведку, а мой отец говорит, что надо учиться. Кое-что о собственном отце я узнал только через 2 года.

Девятого мая 1965 года в первый раз было поистине всенародное празднование Дня Победы. Кажется, только в этом году праздник сделали нерабочим днем. Ко многим ленинградцам приехали их однополчане из других городов, столы были накрыты прямо во дворах, везде было слышно хоровое пение, игра на гармошке, все люди несли водку и закуску, не было своих и чужих. К нам приехало более 80 человек из отцовской дивизии, ночевали у соседей, у нас тоже ночевало человек 10-15. Огромный стол был накрыт прямо у нас под окнами. Я заканчивал 9-ый класс математической школы, то есть был уже большим мальчиком, но мне было жутко интересно, поэтому я вертелся среди однополчан, пытался говорить с ними – тот был лучшим мотористом, тот был лучшим штурманом. И тут мне сказали, что отец был лучшим радистом. Более того, что он их всех спас. Я не верил своим ушам. Вот что мне было рассказано одним дядькой (к сожалению, не помню, как его зовут, но помню, что он был из Мукачево (под Ужгородом), куда мы этим же летом поехали отдыхать):

В их дивизии на вооружении стояли тяжелые ночные бомбардировщики ТБ-3. Во многих книгах и фильмах о первых днях войны показано, как легко немецкие истребители сбивали эти медленные большие машины. Но у ТБ-3 и применение по уставу было совершенно другим, они поднимали бомб больше всех других самолетов (кажется, не только советских), должны были бомбить только ночью, поэтому конструктор А.Н.Туполев выбрал большую грузоподъемность в

ущерб скорости. Правильность этого выбора была доказана на опыте отцовской дивизии. Аккуратно все самолеты вылетали каждую ночь, бомбили разные цели, причем потерь практически не было. Аэродром и склады были в глубине огромного лесного массива, на всех дорогах были устроены завалы из больших деревьев. В начале сентября 1941 года дивизия оказалась в глубоком тылу у немцев, фронт был уже под Ленинградом, но дивизия продолжала исправно воевать. Запасов бомб, горюче-смазочных материалов, еды и всего остального хватало, немцы никак не могли разыскать запряженный в лесах аэродром, но связь с командованием уже давно была потеряна. Офицеры пытались сказать командиру, что надо бы отступить, что мы уже далеко в тылу у немцев, но командир наотрез отказывался самостоятельно отдать приказ об отступлении. У всех на слуху был приказ Сталина, по которому расстреляли Героя Советского Союза Павлова за то, что он отдал приказ об отступлении. Тогда офицеры стали просить моего отца организовать связь с «Большой землей», чтобы получить приказ оттуда. Мой отец целую ночь рассчитывал рамочную антенну (вот где пригодилась зашитая в китель книжка), потом всем миром устанавливали и направляли антенну, сделанную из больших сосен. Связь была установлена, причем качество было как по телефону. Командир армии, в которую входила дивизия, очень обрадовался – он был уверен, что дивизия уже не существует, и отдал приказ о перебазировании в Ленинград (обратите внимание – не об отступлении, а о перебазировании). Весь состав дивизии погрузили в самолеты, оставшееся хозяйство взорвали и полетели. Именно за этот установленный сеанс связи отец получил свой первый орден Красной Звезды.

Таким образом, мой отец попал в блокадный Ленинград, может быть, именно поэтому выжили моя бабушка и тетя. Из смешных воспоминаний, а были и такие в то жуткое время, он часто рассказывал, как ездил на 36 трамвае с фронта к матери на Обводный канал. А ещё в нашей семье часто вспоминают, что мой отец говорил, что я должен учиться в университете, когда я был ещё в первом классе. Тогда же мне было сказано, что я, как и он, должен получить красный диплом. Все 10 лет моей школы отец, как мантру, повторял: «Учи математику и английский язык. Всё остальное ты можешь выучить и потом, а математику и английский надо учить с детства». Я получил красный диплом мат-меха, но когда я заглянул после его смерти в его диплом, он действительно красный (с отличием), но там есть даже две тройки. В 1939 году требования к красному диплому были слабее. У меня троек нет

Когда я пристал к отцу с просьбой подтвердить или опровергнуть эту историю о перебазировании дивизии в блокадный Ленинград, он сказал: «Что тут особенного, это и есть моя работа. Было не так страшно лететь, как было ужасно холодно». И всё. Эта история произвела на меня большое впечатление, я сразу вспомнил ту страницу, написанную тушью для школьной стенгазеты, и теперь она мне не показалась такой абстрактной и нравоучительной.